

Емеля- * * *

* * * дуракъ.

Жиль-быль мужикъ.
и было у него
три сына: два
были умныхъ, а третій—
дуракъ, и звали его Еме-
лей. Отецъ, состарив-
шись, призвалъ къ себѣ
сыновей и говоритъ
имъ:

— Любезныя дѣти мои!
Очень ужъ я старъ
становлюсь и чувствую,
что приходитъ смерть.

Раздѣ-
лите между
собою поровну
все мое имуще-

ство. Въ сундукѣ найдете триста рублей. Ихъ тоже раздѣлите поровну.

Умеръ старикъ, сыновья похоронили его, какъ слѣдуетъ, и стали безъ него жить да поживать. Наконецъ двумъ умнымъ пришла въ голову мысль—поѣхать въ городъ торговать. Они и говорятъ Емелѣ, который вѣчно сидѣлъ на печи:

— Послушай, Емеля! Мы возьмемъ твои сто рублей и барыши съ нихъ привеземъ тебѣ, да, кромѣ того, привеземъ тебѣ красный кафтанъ, красную шапку и красные сапоги. А ты оставайся дома и за насъ справляй всю домашнюю работу. Что бабы велятъ тебѣ дѣлать, то и дѣлай.

Оба старшіе брата были женатые и семейные. Красная шапка да красный кафтанъ и сапоги такъ плѣнили дурака, что онъ обѣщалъ во всемъ повиноваться невѣсткамъ и справлять всю домашнюю работу. Братья уѣхали спокойно.

На другой день одна изъ невѣстокъ велитъ дураку принести воды. День былъ холодный, морозный, и дуракъ, лежа на печкѣ, отвѣчаетъ невѣсткѣ:

— Была охота итти. Иди сама, коли тебѣ хочется.

— Да какъ смѣешь ты, дуракъ, отвѣчать такъ?—крикнула другая невѣстка.—Развѣ не видишь, какой морозъ? Мужикъ только и впору итти.

— А я лѣнюсь!—отвѣчаетъ дуракъ.

— Такъ ты лѣнишься? —закричали невѣстки.—А ѣсть ты не лѣнишься? А не будетъ воды, такъ не будетъ тебѣ и ѣды. Да вотъ погоди, мы нажалуемся мужьямъ, такъ не будетъ тебѣ ни кафтана, ни шапки, ни сапоговъ.

Послѣднее очень не понравилось дураку; слѣзъ онъ съ печи и сталъ обуваться и одѣваться. Взялъ дуракъ ведра и топоръ и пошелъ на рѣку. На рѣкѣ началъ онъ рубить прорубь, прорубилъ большую-пребольшую. Зачерпнулъ онъ въ ведра воды, поставилъ ихъ на ледъ, а самъ сталъ надъ прорубью и началъ смотрѣть въ воду. И видитъ онъ, что плыветъ большая щука.

«Вотъ будетъ славная-то уха!» подумалъ Емеля да такъ изловчился, что сразу щуку-то и ухватилъ, вытащилъ, да и засунулъ ее за пазуху. А щука изъ-за пазухи-то и кричитъ ему человѣческимъ голосомъ:

— Дуракъ, а дуракъ! Ну, на что ты меня поймалъ?

— Какъ на что? — отвѣчалъ дуракъ. — Извѣстно на что: отнесу домой и отдамъ сварить изъ тебя уху.

— Дуракъ, а дуракъ! Не носи меня домой, а отпусти въ воду, за это я сдѣлаю тебя богачомъ.

— Болтай больше! — проговорилъ дуракъ, не повѣривъ щукѣ и собираясь итти въ деревню.

— Дуракъ, а дуракъ! — громче прежняго закричала щука. — погоди! Поймай! Не носи меня домой, а пусти въ воду, за это я сдѣлаю такъ, чтобы все, чего ты ни пожелаешь, исполнялось.

Емеля остановился и подумалъ, что если это правда, то ему не зачѣмъ будетъ работать, а такъ какъ онъ былъ лѣнивъ, то и обрадовался этому.

— Ну, хорошо, я отпущу тебя, щука, только исполни свое обѣщаніе.

— Только пусти меня, — отвѣчаетъ щука, — а ужъ обѣщаніе свое я исполню.

Но дуракъ все боялся отпустить ее, думая, что она обманетъ его. Щука, видя, что ничего съ нимъ не подѣлаешь, опять говоритъ:

И. К. С. В. М. 1912

— Эхъ, ты, дуракъ, дуракъ! Да ты скажи сперва, что тебѣ надо, а потомъ и увидишь, что это исполнится.

— Да вотъ я хочу, чтобы эти самыя ведра сами пошли въ гору, въ деревню, да только бы воды не расплескали.

— Не бойся, не расплещуть,—отвѣчаетъ ему щука,—а ты только запомни, что я тебѣ говорить буду. Слушай: «По щучьему велѣнію да по моему прошенію, ступайте, ведра, въ гору».

Какъ только повторилъ дуракъ эти слова, такъ ведра тотчасъ же тихонько снялись съ мѣста и пошли въ гору вмѣстѣ съ коромысломъ. Емеля подивился-подивился, да и говорить:

— Да всегда ли такъ будетъ?

— Конечно, всегда, — отвѣчаетъ ему щука,—только словъ моихъ не забудь.

Отпустилъ Емеля щуку въ прорубь и пошелъ домой. Увидали сосѣди, что ведра сами идутъ, такъ и ахнули.

— Дуракъ-то, дуракъ! — кричали они. — Что дѣлаетъ! Ведра идутъ сами, а онъ—за ними!

Емеля, не обращая ни на кого вниманія, шелъ домой. Ведра вошли въ избу и

встали на лавку, а Емеля поскорѣе взлѣзъ на печку.

Немного погодя, невѣстки и говорятъ Емелѣ:

— Да что ты лежишь все на печкѣ! Пошелъ бы дровъ нарубилъ.

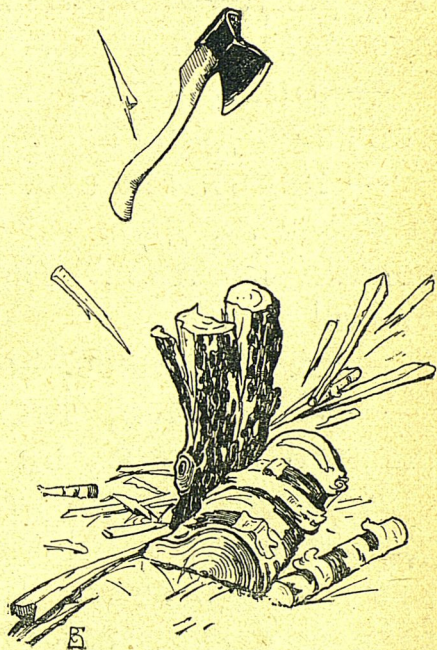
— Была нужда мнѣ дрова рубить. А вы-то на что?—отвѣчаетъ имъ дуракъ.

— Какъ на что? Ахъ, ты, дуракъ! Да чѣмъ же мы топить-то будемъ? Развѣ не видишь, какъ холодно?

— Я лѣнюсь, — продолжаетъ дуракъ.

— Ты лѣнишься, ну, такъ и будешь мерзнуть, — закричали на него невѣстки, — да, кромѣ того, не получишь ни кафтана, ни шапки, ни сапоговъ.

Испугался Емеля, что не получить подарка, а встать-то ему лѣнь, отвернулся къ стѣнѣ да потихоньку и шепчетъ:

— По щучьему велѣнію да по моему прошенію, поди-ка ты, топоръ, да накопи дровъ, а вы, дрова, сами въ избу придите.

Только что онъ это сказалъ, сорвался топоръ съ лавки, выскочилъ во дворъ и ну колотъ дрова, а дрова не только пошли въ избу, но сами и въ печь улеглись. Невѣстки какъ увидали это, такъ и не могли надивиться искусству и умѣнью Емели. Съ этого дня топоръ каждый день, по приказанію Емели, ходилъ рубить дрова.

Прошла недѣля, другая. Невѣстка опять къ дураку,—говорить, что дрова всѣ вышли, надо съѣздить въ лѣсъ и нарубить новыхъ.

— Была нужда мнѣ ѣхать въ лѣсъ,—отвѣчаетъ дуракъ,—а вы-то на что?

— Какъ мы на что?—крикнули невѣстки.—Да бабѣ ли дѣло въ такой морозъ ѣхать за дровами въ лѣсъ? Вотъ дуракъ, какъ есть дуракъ!

— А я лѣнюсь,—отвѣчаетъ Емеля.

— Лѣнишься, такъ не видать тебѣ ни краснаго кафтана, ни шапки, ни сапоговъ.

Не понравилось это Емельѣ, и онъ лѣниво сталъ слѣзать съ печи и лѣниво сталъ обуваться и одѣваться. Выйдя во дворъ, вытаскилъ онъ сани изъ-подъ навѣса, взялъ ве-

ревку да топоръ и, разсѣвшись въ сани, крикнулъ невѣсткамъ, чтобы отворили ворота. Невѣстки, видя, что онъ сидитъ въ саняхъ, а лошадь у него не впряжена, начали ему говорить:

— Да что ты, дуракъ, безъ лошади, что ли, поѣдешь?

— Никакой мнѣ лошади не надо,—отвѣчаетъ дуракъ,—отворите только ворота!

Невѣстки пошли отворять ворота, а Емеля, сидя въ саняхъ, прошепталъ:

— По щучьему велѣнію, по моему прошенію, поѣзжайте, сани, въ лѣсъ!

Сани лихо выѣхали изъ воротъ и повернули къ городу, черезъ который надо было проѣзжать въ лѣсъ. Емеля сидѣлъ, развалившись, не кричалъ, чтобы народъ сторонился, и потому передавилъ не мало прохожихъ. Многіе за нимъ гнались, но догнать никто не могъ.

Пріѣхалъ Емеля въ лѣсъ, вылѣзъ изъ саней и говоритъ:

— По щучьему велѣнію, по моему прошенію, начини-ка ты, топоръ, рубить дрова, а вы, дрова, сами складывайтесь да перевязывайтесь!

Не успѣлъ Емеля этого выговорить, какъ топоръ пошелъ гулять по лѣсу и рубить

дрова, а полѣнья сами на сани складывались и веревкой перевязывались. Когда возъ былъ готовъ, Емеля приказалъ топору вырубить себѣ дубинку и усѣлся на возъ.

— По щучьему велѣнію, по моему прошенію, — крикнулъ онъ, — поѣзжайте-ка, сани, домой!

Только что въѣхалъ онъ въ городъ, гдѣ передавилъ такъ много народа, какъ его схватили, стащили съ саней и ну бить. Емеля, видя, что дѣло плохо, тихонько и проговорилъ:

— По щучьему велѣнію, по моему прошенію, начни-ка ты, дубинка, мять имъ бока.

Только что онъ прошепталъ это, лежа посреди улицы, какъ дубинка пошла гулять по спинамъ собравшагося народа и такъ всѣхъ избила, что народъ разбѣжался и прятался. Емеля же сѣлъ на возъ и поскакалъ домой, а дубинка покатила въ слѣдъ за нимъ. Дома Емеля сейчасъ же залѣзъ на печь.

Въ городѣ стали всѣ говорить о человѣкѣ, который проѣхалъ безъ лошади и передавилъ много народа. Слухъ о такомъ удивительномъ дѣлѣ дошелъ и до царя. Царь самъ захотѣлъ посмотрѣть на это чудо и послалъ одного своего приближеннаго съ солдатами

искать удивительнаго человѣка. Нашелъ царедворецъ Емелину деревню и призвалъ къ себѣ старосту.

— Я присланъ сюда отъ царя, — сказалъ онъ, — и мнѣ приказано привезти человѣка, который умѣетъ ѣздить безъ лошади.

Староста повелъ царедворца въ избу къ Емелѣ.

— Гдѣ тутъ дуракъ? — говоритъ царедворецъ.

— А на что его тебѣ? — спросилъ съ печи Емеля.

— А вотъ на что, — крикнулъ царедворецъ: — одѣвайся скорѣй! Мнѣ надо везти тебя къ царю.

— А что я у него забылъ?

— Ахъ, ты, грубіянь! — крикнулъ царедворецъ и, размахнувшись, ударилъ его по щекѣ.

Емеля, видя, что плохо ему приходится, отвернулся да прошепталъ:

— По щучьему велѣнію да по моему прошенію, откатай-ка ты. дубинка, этого обидчика!

Дубинка тотчасъ же выскочила и ну лупить царедворца, а потомъ расходилась такъ, что отлупила и солдатъ.

Нечего дѣлать: перебитые поѣхали обратно въ городъ и доложили царю обо всемъ томъ, что съ ними случилось. Царь не совсѣмъ повѣрилъ этимъ рассказамъ, но все-таки выбралъ изъ своихъ приближенныхъ умнаго человѣка и поручилъ ему привезти дурака, хотя бы обманомъ.

Умный царедворецъ пріѣхалъ прямо въ ту деревню, гдѣ жилъ дуракъ, позвалъ къ себѣ старосту и говоритъ ему:

— Любить дуракъ, ваша милость, чтобы его неотступно просили. Разъ попросишь,—не согласится, другой попросишь,—не согласится, а третій попросишь,—ужь непременно сдѣлаетъ. Но не любить, чтобы на него кричали.

— Царь прислалъ меня за вашимъ дуракомъ, а ты скажи мнѣ, съ кѣмъ дуракъ живетъ, и призови его домочадцевъ.

Староста послалъ за невѣстками. И когда тѣ пришли, царедворецъ спросилъ у нихъ:

— А что дуракъ вашъ любить и чего не любить?

Отпустилъ царскій слуга невѣстокъ и не велѣлъ сказывать дураку, зачѣмъ ихъ призывали, потомъ накупилъ изюма, чернослива,

винныхъ ягодъ и пряниковъ и самъ пошелъ къ Емелѣ въ избу.

— Здравствуй, Емеля,—сказалъ онъ.—Ну, что ты все лежишь на печи? Вотъ возьми-ка, угостись.

Онъ подаль дураку угощеніе и продолжалъ:

— Поѣдемъ, Емеля, къ царю. Я свезу тебя.

— Зачѣмъ я къ нему поѣду? Мнѣ и тутъ тепло,—отвѣчалъ дуракъ, любившій тепло больше всего на свѣтѣ.

— Пожалуйста, поѣдемъ.

— Я лѣнюсь.

— Ну, поѣдемъ. Царь купить тебѣ красный кафтанъ, красную шапку и сапоги.

Обѣщаніе это тотчасъ же соблазнило дурака.

— Ну, ужъ нечего дѣлать! Пожалуй, поѣду,—проговорилъ онъ.—Поѣзжай ты впередъ, а я пріѣду потомъ.

Посоль спросилъ у невѣстокъ, можно ли повѣрить дураку, не обманетъ ли онъ.

— Ужъ сказалъ, такъ не обманетъ,—отвѣчали онѣ.

Посоль уѣхалъ, а Емеля остался на печи, да и говорить:

— Охъ, какъ не хочется мнѣ ѣхать! Ну, да ужъ нечего дѣлать!—Повернулся къ стѣнѣ и прошепталъ: По щучьему велѣнію да по моему прошенію, вези-ка ты меня, печь, въ городъ!

Изба затрещала, и печь, сдвинувшись съ мѣста, выбралась на дворъ и понеслась такъ скоро, что догнала по-

сла и съ нимъ вмѣстѣ уже поѣхала въ городъ.

Царь вышелъ на дворъ со всѣми своими министрами встрѣчать Емелю.

— Скажи мнѣ, парень, — спрашиваетъ его царь:—зачѣмъ ты передавилъ столько народа, когда ѣздилъ въ лѣсъ за дровами?

— А я-то чѣмъ виновать? — отвѣчалъ дуракъ. — Зачѣмъ же они не сторонились?

Въ это время въ окно изъ царскихъ хоромъ смотрѣла царица.

Емеля какъ увидалъ ее да такъ и ахнулъ.

— По щучьему велѣнію да по моему прошенію,—прошепталъ онъ,—кабы эта царица прекрасная да въ меня бы влюбилась.

Только что онъ это выговорилъ, какъ царица пристально посмотрѣла на него и влюбилась.

А дуракъ смотрѣлъ-смотрѣлъ, да и проговорилъ:

— По щучьему велѣнію да по моему прошенію, поѣзжай-ка, печь, домой!

Печь понеслась домой и встала на прежнее мѣсто.

Емеля попрежнему сталъ жить да поживать на своей печи, а во дворцѣ не все было

спокойно. Царевна, влюбившись въ дурака, покоя не давала отцу и просила его выдать ее замужъ за Емелю. Царь изъ себя выходилъ отъ досады. Министры посовѣтовали ему послать за Емелей того самаго человѣка, который ѣздилъ за нимъ въ первый разъ и вернулся ни съ чѣмъ. Когда посолъ явился, царь и говорить ему:

— Вотъ что, любезный другъ мой, я тебя посылалъ за дуракомъ, но ты не сумѣлъ привезти его. Теперь отправляйся за нимъ, и если ты привезешь его, то я награжу тебя, а не привезешь, то накажу.

Поѣхалъ первый посолъ въ деревню и пришелъ къ старостѣ.

— Вотъ тебѣ деньги,—сказалъ онъ:—сейчасъ же иди и купи вина, устрой обѣдъ, пригласи Емелю и подпой его.

Старостѣ очень не хотѣлось подпаивать Емелю, но, зная, что посолъ этотъ присланъ царемъ, онъ не смѣлъ ослушаться и устроилъ обѣдъ.

Емеля любилъ поѣсть и съ радостью пошелъ на обѣдъ къ старостѣ. Тамъ ему стали подносить вина и подносили до того, что Емельянтъ нашъ свалился подъ столъ и заснулъ.

Тутъ посолъ соннаго связалъ его да въ кибитку, и повезъ въ городъ. Царь тотчасъ же приказалъ выкатить дубовую бочку съ хорошими желѣзными обручами. И въ эту бочку посадилъ онъ царевну и пьянаго дурака, затѣмъ приказалъ засмолить ее и пустить на море.

Бочка поплыла по водѣ, а Емеля долго-долго спалъ. Наконецъ онъ проснулся, осмотрѣлся и, видя, что темно, спросилъ:

— Да гдѣ же это я?

— Ты, Емеля, въ бочкѣ, — отвѣчала ему царевна, — да и я съ тобой посажена.

— Кто ты?

— Я — царская дочь, — отвѣчала царевна и рассказала ему все, что съ нимъ было, а послѣ этого, обливаясь слезами, стала просить его освободить и себя и его, — она знала, что онъ можетъ это сдѣлать.

— Да зачѣмъ же это? — отвѣчалъ онъ. — Мнѣ и тутъ хорошо.

— Сжался ты надо мною, — продолжала царевна, — избавь меня и себя отъ этой тюрьмы. Будь такъ милостивъ, не дай умереть.

Емеля былъ тронутъ такими просьбами и отвѣчалъ:

— Ну, ужъ ладно, для тебя я это сдѣлаю.—Отвернулся онъ и потихоньку прибавилъ:—По щучьему велѣнію да по моему прошенію, выкинь ты, море, ту бочку, въ которой мы плывемъ, на берегъ, неподалеку отъ нашего государства, а ты, бочка, сама разсыпья такъ, чтобы мы могли выйти.

Не успѣлъ онъ это сказать, какъ море поднялось, зашумѣло, подхватило бочку и выбросило ее на берегъ. Обручи лопнули, и дуракъ съ царевной вышли на чудный островъ, со множествомъ плодовыхъ деревьевъ. Царевна радовалась, глядя на прекрасныя мѣста.

— А какъ же, Емеля, будемъ мы теперь жить?—сказала она.—Вѣдь тутъ намъ и прикрыться негдѣ. Нѣтъ даже и шалаша. Сдѣлай милость, вели устроить намъ хоть какой-нибудь домишко, чтобы укрыться отъ дождя.

— Зачѣмъ это?—упрямился дуракъ.—Мнѣ и такъ хорошо. Я лѣнюсь.

Царевна уже знала теперь, что дуракъ сдѣлаетъ все, только бы его хорошенько попросить, и стала просить его.

Дуракъ смиловался и проговорилъ:

— По щучьему велѣнію да по моему прошенію, поднимись среди этого острова дворецъ, всѣмъ на диво, чтобы отъ него шель до царскаго дворца хрустальный мостъ, и чтобы была здѣсь вся прислуга, какъ слѣдуетъ быть во дворцѣ. Не успѣлъ онъ этого выговорить, какъ появился дворецъ огромный-преогромный и отъ него протянулся хрустальный мостъ.

Емеля вошелъ во дворецъ съ своей невѣстой-царевной и увидалъ, что все во дворцѣ великолѣпно и много тамъ прислуги, которая ждала отъ дурака приказаній. Емеля, видя, что всѣ люди какъ люди, а только онъ одинъ какой-то грязный, лохматый дуракъ, захотѣлъ сдѣлаться получше. Отошелъ въ сторону, да и говорить:

— По щучьему велѣнію да по моему прошенію, хотѣлъ бы я сдѣлаться умнымъ и красивымъ!

Только что успѣлъ онъ это проговорить, какъ сдѣлался красивымъ и умнымъ, да такимъ, что царевна и всѣ диву дались.

Емеля сейчасъ же распорядился послать слугу къ царю, чтобы просить его къ себѣ со всѣми министрами. Слуга поѣхалъ къ царю по новому хрустальному мосту, и когда привели его къ государю, онъ и говорить:

— Я, ваше царское величество, присланъ отъ своего господина, который просить васъ со всѣми министрами откушать хлѣба-соли.

— А кто же твой господинъ? — спрашиваетъ его царь.

Емеля наказалъ своему человѣку не говорить, кто онъ такой.

— Не могу знать, — отвѣчалъ посланный, — а вотъ какъ будете у него кушать, такъ сами и увидите.

Царь велѣлъ сказать, что будетъ непременно, и на другой же день приѣхалъ со всѣми министрами.

Во дворцѣ его встрѣтилъ Емея, поцѣловалъ его и повелъ въ богатые покои. Столы были роскошно убраны, и когда обѣдъ кончился, Емея и говорить:

— Ну, что же, батюшка-царь, неужели ты меня не узналъ?

Емея былъ одѣтъ въ богатое платье, лицо у него было красивое и умное, и, конечно, царь никакъ его узнать не могъ

— Нѣтъ. я тебя не знаю, — говорить царь.

— А не помнишь ли ты, государь, дурака, что приѣзжалъ къ тебѣ на печкѣ, — того дурака, котораго ты засмолилъ въ бочку вмѣстѣ съ своей дочерью и пустилъ по морю? Ну, такъ вотъ я и есть тотъ самый дуракъ, Емея!

Испугался царь, даже задрожалъ, а дуракъ пошелъ за царевной и привелъ ее. Сильно обрадовался царь, увидавъ дочь, и говорить Емелѣ:

— Очень я передъ тобой виновать, но зато отдаю за тебя дочь свою. Бери ее.

Емеля поблагодарилъ царя и на другой же день задалъ пиръ на весь міръ. Я на томъ пиру былъ, медъ, пиво пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

